

КРЫМСКИЕ ИСТОРИИ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Крымская геологическая практика – незабываемое время в жизни студентов. Позади слякотная зима и нудные лекции по восемь часов в день, позади тяжелая весенняя сессия. А впереди – лето, песни, горы, маршруты и Черное море.

Наш палаточный лагерь располагался в горном Крыму около деревни Трудолюбовка. Вокруг, словно волны застывшего каменного моря, стояли куэсты – асимметричные горы с пологим северным склоном и крутым южным. В известняковых обрывах чернели отверстия палеолитических пещер. Тысячи лет назад в этих местах жили люди каменного века. Темными ночами входы в пещеры светились отблесками костров, и наши доисторические предки, закутанные в изношенные звериные шкуры, грелись у огня. Косматые длинноволосые охотники молча смотрели на пламя, ожидая, когда зажарится мясо, а женщины кремневыми скребками выдывали шкуры убитых животных.

На крымской практике студенты второго курса учились составлять геологическую карту. Каждая бригада включала четырех студентов. В нашей бригаде было всего двое – я и Ник, так как мы проходили сокращенную практику и уезжали в экспедицию на Памир.

В первый же выходной группа радиоактивщиков отправилась на побережье под Алушту. По тропинке вдоль берега моря мы забрались в самый дальний угол, где не было отдыхающих. Скалы круто обрывались к морю. Внизу между скользкими глыбами ползала шипящая пена. Я был рад, что попал именно сюда, а не на чванливый пляж, увидел настоящее море и влюбился в него на всю жизнь.

Сбросив одежду, я немедленно бросился в море. Даже забыл снять с руки часы. На вкус вода оказалась горько-соленой и довольно противной. Зато нырнув в кристально-прозрачную зеленоватую глубину, я очутился в сказочном подводном мире. Обросшие зеленой бахромой камни устлали дно, полого уходящее в синюю загадочную бездну. Среди водорослей сновали пестрые рыбки-зеленухи. Мелкие крабики деловито пробегали по дну, а раки-отшельники терпеливо волокли свои раковины. Неторопливо колыхаясь, проплыла ажурная медуза. Не верилось, что она плывет просто так, без всякой цели и мысли, и не может видеть и восхищаться окружающим ее удивительным миром. Какое огромное счастье дано нам, людям!

Только в море по-настоящему чувствуешь, что наши предки жили в океане и сотни миллионов лет назад мы были рыбами. Хорошо бы всегда жить рядом с морем вместе с друзьями. Мы назвали бы свой город Зурбаган, как у Александра Грина.

Но, мечты мечтами, а с деньгами у нас как всегда было туго. Хватило только на два литра молодого вина, пару буханок черного хлеба и килограмм макарон. Еще у нас была утка, которую принес из дальнего маршрута Женя Говоров. Он утверждал, что утка была совершенно дикая, и первая напала на него. А когда он с ней справился, то она даже не кукарекнула.

Жребий готовить обед как назло выпал мне, а я, в первый раз увидев море, ни на секунду не хотел с ним расставаться. Вдруг благородный Ник сам вызвался готовить и, показав мне какую-то ерундовую царापину на пальце, объяснил, что ранку щиплет от соленой воды. Готовить Ник не умел,

и я быстро рассказал ему технологию изготовления макаронного супа с уткой. Ник аккуратно все записал в тетрадку. Я надел маску и бросился в море.

Прозрачная голубоватая вода легко держала тело над каменным дном. А когда ныряешь вглубь, то пузыри воздуха, переливаясь, как гроздь крупного жемчуга, поднимались вверх к рябой от солнечных бликов поверхности моря. Подводные скалы обросли колониями мидий. Ник уверял, что жаренные или вареные мидии очень вкусные. Я набрал целую сетку моллюсков, вылез на подводный камень, раскрыл пальцами одну из раковин и, преодолевая брезгливость, съел ее содержимое. Даже в сыром виде мидии были вполне съедобные.

Из состояния эйфории меня вывел камень, булькнувший перед носом, и в каскаде мелких радужных пузырьков утонувший в синей глубине. Я высунул из воды голову и увидел на берегу Ника. Он махал руками, призывая всех к обеду. Ужасно не хотелось вылезать из воды. Жить бы всегда в море с рыбами и медузами. Но, как говорится, «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!»

За два часа в воде я страшно замерз. Ребята уже наворачивали жирный утиный суп из мятых алюминиевых мисок. Меня ждала кружка горячего глинтвейна и, обжигаясь, я сделал несколько глотков. Тепло волной разлилось по всему телу.

Ник взял мою миску, пошарил черпаком в ведре и достал кусок утиной шеи.

– А лучше ничего нет? – обиделся я.

Ник бросил шею обратно в ведро, снова покрутил черпаком и вытащил тот же самый кусок.

– Бестолочь! Шею отложи в миску и пошуруй как следует в ведре.

– «Шуровать» на старательском жаргоне означает искать ощупью в забое шурфа мелкие золотые самородки, – заметил Ник с умным видом и отложил в миску назойливый кусок.

Он вновь пошарил черпаком и достал со дна точно такой же кусок.

– Откуда вторая шея? – не выдержал я. – Что, и головы было две? Только не рассказывай мне, что у этой «курицы» была только одна нога, а груди не было вовсе.

Ник отложил второй кусок шеи и подозрительно долго шарил черпаком по дну ведра. Я уже стал беспокоиться, что там ничего больше нет. Наконец, он что-то подцепил и быстро вытащил черпак наружу. С края половника свисал рыжий хлопчатобумажный носок. Конечно, я вовсе не рассчитывал, что Ник достанет мне со дна золотой самородок, но и носок в супе никак не ожидал увидеть. На перекладине костра рядом с ведром одиноко висел второй носок, только более темного цвета. Кипячение в супе явно пошло одному из братьев на пользу.

Ник громко икнул. Ребята уже доедали суп, а мы еще не пробовали. Я выхватил у Ника поварешку и закричал:

– Кому добавки?

– Мне, мне! – торопливо ответило сразу несколько голосов.

Я стал показывать всем находку, наблюдая за реакцией ребят, в надежде, что кто-то опознает свой носок, но все вели себя просто идеально и выражали только изумление и возмущение. Такие разве признаются.

Дополнительное расследование показало, что тот носок, который еще сушился над костром, был стиранный. Появилась надежда, что братья

принимали эту процедуру вместе. Тогда более светлый тон носка из супа объяснялся линькой краски.

В настоящий момент все были босиком, и я решил отложить окончательное расследование до возвращения домой. Но есть хотелось до обалдения, и Ник до краев наполнил наши миски макаронным супом.

– Ладно, давай и нам добавки, – не выдержали мужики.

Так мы и не выяснили, кто нам удружил такую приправу к супу. Никто не признался. Я подозревал Женю Говорова, но он клялся, что сандалии всегда носит на босую ногу.

– Ноги летом должны дышать, – уверял он.

К закату ветер усилился и ночью разыгрался шторм. И я увидел другое море – стонущее и ревущее, как огромное живое существо. Оно поднималось в темноте, заслоняя небо, и всей тяжестью ударяло в утес, который, словно корабль, двигался навстречу волнам. Ветер свистел и плевался клочьями соленой пены. Теплый, насыщенный влагой воздух подхватывал под руки и стремился оторвать от земли. Хотелось взлететь и, как буреви́стник, с торжествующим криком носиться в кромешной темноте над бушующим морем.

Какое это огромное счастье – просто жить на земле!

И хотя морю не было до меня никакого дела, я так и просидел рядом с ним всю ночь на дикой скале. Под свист ветра и рокот бури я глотал соленый воздух и мечтал о будущем.

Утром мокрый от брызг, усталый и счастливый я уснул прямо на теплой земле под первыми лучами солнца. Спал я так крепко, что не почувствовал, как моя обнаженная спина и левая половина лица обгорели под ультрафиолетовым излучением. Через несколько часов спина покраснелась, как ошпаренная кипятком, все тело ломало, а щека чуть ли не светилась.

При возвращении в лагерь я все-таки устроил неожиданную проверку, но все, кроме Жени, были в носках. И только зимой Абраша признался мне, что носки были его, а перед проверкой Мишка одолжил ему свой носок, и один показал мне левую, а другой правую ногу.